

УДК 39(398.21)

СКАЗКИ О ЛОВКОМ ВОРЕ В КАЛМЫЦКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

И. С. Надбитова

Калмыцкий научный центр РАН

Статья посвящена изучению особенностей сказок об искусном воре в сказочной традиции калмыков. Бытовые сказки о ловком воре отличаются краткостью повествования, а также комический, иронично-шутливый стиль; они распространены и популярны в народе. Главному герою рассматриваемых сказок присущи находчивость, ловкость действий; почти во всех вариантах он с легкостью выходит из любых ситуаций. Приемы, использованные им в ловком обворовывании антиподов, близки к анекдоту. Калмыцкие тексты из цикла об искусном воре имеют много схожих мотивов и эпизодов со сказками других народов, и вместе с тем они отличаются жанровым своеобразием, самобытностью, характерными этническими элементами.

The article studies peculiarities of fairy tales about skilful thieves in the oral tradition of the Kalmyks. Kalmyk household fairy tales of the mentioned type are characterized by brevity of narration and a comic, ironical and playful style. Fairy tales about skilful thieves are widespread enough in the world folklore. The main character of the considered fairy tales is a nimble-witted, dexterous, and almost always easily finding a sophisticated way out of any deadlocks. The methods he applies to plunder his antipodes are almost anecdotic by nature. Kalmyk variants of the plot considered have lots of motifs and episodes similar to fairy tales of other peoples. However, they can be distinguished due to genre peculiarities, originality and culture-specific elements.

Ключевые слова: сюжет, ловкий вор, сказочная традиция, бытовая сказка, комизм, эпизод.

Keywords: plot, skilful thieves, oral tradition, household fairy tale, comic, episode.

Сказочный эпос калмыков включает в себя волшебные, богатырские, бытовые, кумулятивные сказки и сказки о животных. В калмыцкой фольклористике бытовые сказки до сих пор еще не были предметом монографического изучения, хотя они являются неотъемлемой частью духовной культуры народа. В настоящее время сотрудниками КалмНЦ РАН готовится Свод калмыцкого фольклора, в котором в том числе будут представлены бытовые сказки.

В данной статье рассмотрены сюжеты о ловком воре в калмыцком фольклоре в соответствии со Сравнительным указателем сюжетов [1].

Материалом исследования послужили опубликованные сказочные тексты и ранее нигде не публиковавшиеся записи из Научного архива Калмыцкого научного центра РАН (далее – НА КалмНЦ РАН).

Эти сказки имеют широкое международное распространение, в указателе они обозначены под номерами 1525 А «*Ловкий вор*», 1525 D «*Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников)*», 1525 E «*Воры и их ученик*».

В.Я. Пропп в своем исследовании «Русская сказка» обращается к древнейшей из записей о ловких ворах – древнеегипетской сказке о сокровищнице царя Рампсинита, зафиксированной Геродотом, и к древнегреческой мифологии. По мнению ученого, «понятие похищения неправомерного и предосудительного могло появиться только тогда, когда появилась частная собственность. Присвоение, взятие того, что дает природа и что не принадлежит никому, есть наиболее элементарный акт первобытного хозяйствования. Но когда появляется частная собственность, акт присвоения, с точки зрения собственника, есть акт аморальный, с точки зрения же неимущего, он есть простой акт восстановления попорченной справедливости» [2, с. 264].

Ю.М. Соколов в книге «Русский фольклор» отмечает, что «реалистические (новеллистические или бытовые) и анекдоты» составляют 60% от всего количества русских сказок, а сюжет о ловком воре называет «самым популярным» [3, с. 335–337].

В работе Ю.И. Юдина «Русская народная бытовая сказка» рассматриваемым сюжетам посвящена глава «Сказки о хитроумном и ловком воре», в которой автором изучены мотивы и особенности тематической группы сказок о воре на примере русской традиции. В результате им сделаны выводы об исторических корнях и тесной связи данных текстов со сказками о дураках и шутах [4, с. 53–69].

На материале бурятских сказок Б.-Х.Б. Цыбиковой изучены варианты сказок о ловком воре в сопоставлении с аналогичными сюжетами сказок тюрко-монгольских народов [5, с. 37–41].

Составители тома «Бытовые сказки» Свода памятников фольклора народов Дагестана пишут: «Горский бытовой эпос о хитроумном воре интересен тем, что в одних случаях тексты носят традиционный характер, в других – приближаются к жизненно-бытовой достоверности, в-третьих – содержат элементы поэтики волшебной сказки, сказок о животных. Во многих произведениях о ворах используются приемы, характерные и для сказок о дураках и одурачивании (комизм ситуации, нарочито невпопад сказанное слово, алогизм действий и поступков)» [6, с. 21–22].

От других тематических групп сказки об искусном воре отличаются характером главного персонажа – ему присущи ловкость, сообразительность, умение быстро находить выход из любой ситуации. Сказочный вор чаще всего из простой неполной семьи или сирота, при этом «не извлекает из своих действий никаких материальных выгод. Он артист своего дела и своими действиями удовлетворяет элементарное чувство справедливости, посрамляя и одурачивая сильных мира сего» [2, с. 264].

В сказке «Хойр хулхачин туск тууж» («История о двух ворах»), записанной от Б.Н. Очирова в 1963 г., повествуется о прославленном воре, живущем с матерью. Он отправляется в путь, чтобы найти подобного ему вора и породниться. Это путешествие – один из композиционных приемов, позволяющий исполнителю создавать один за другим эпизоды.

Далее в тексте говорится о том, как два искусных вора состязаются в воровстве, становятся верными друзьями и ловко грабят ханскую казну [7].

Сказочное воровство смягчается комическим изображением проделок главного персонажа: он все совершает весело и с юмором, играя на глупости и самоуверенности тех, кого он дурачит. Иногда воровство превращается в некий спор; к примеру, в сказке «Хулхач» («Вор») отец сожалеет о том, что его 17-летний сын не может превзойти его в воровстве. На что сын предлагает проверить его на деле: когда отец взбирается на дерево и крадет из-под вороны яйцо, сын поднимается вслед за ним и незаметно вытаскивает из его сапог подметки. Отец плачет от радости и отправляет сына в путь [8, с. 221–225]. Если в сказах восточнославянских народов в подобных сюжетах фигурирует дядя – 950 «Дядя и племянник», то в калмыцких текстах – отец.

Основной темой в бытовых сказках о ловком воре является социальный протест. Сюжетная цепочка разнообразных мотивов в исследуемых вариантах состоит из условий антипода и действий (проделок) главного персонажа. При этом хан усиливает охрану (любимого ханского коня держат несколько человек, золотое кольцо снимает с пальца и отдает на время ханше), и для того, чтобы выполнить условия, сказочному вору приходится применять различные уловки. Способы сказочного воровства разнообразны: от простой кражи (механической) (крадет животных, одежду) до сложной (крадет золотой перстень хана, золотые четки ханской дочери, ханшу).

Часто искусный вор применяет такие уловки, в результате которых обворовываемые оставляют место, где находится необходимый ему предмет. К примеру, он бросает курицу в загон с коровами, от ее крика коровы разбегаются, и, пока хозяева пытаются поймать птицу, вор уводит волов; ночью шилом ослепляет одноглазого купца, тот об-

виняет своего напарника, купцы дерутся, а вор уводит верблюдов с товаром; крадет козленка, его хозяин привязывает козу к дереву и отправляется на поиски козленка, в это время вор крадет козу; человек снимает одежду, чтоб переправиться на другой берег, вор крадет его одежду, то есть, «над кем бы ни смеялся герой: над барином, попом или мужиком, – предмет смеха остается одним и тем же. Осмеивается глупость и рутинная неповоротливость ума, слепо полагающегося на привычный, незыблемый порядок вещей» [4, с. 68].

Следующий прием сказочного воровства – умелое отвлечение внимания обворовываемых: вор приносит *арзу* (молочная водка), мясо, предлагает караульным поесть, спаивает их, крадет ханского коня.

Особенно комично описание воровства, когда вор выдает себя за другого, к примеру, переодевается в ханскую одежду, выдает себя за хана и отдает приказы от его имени; надевает одежду белого цвета, поверх – крупные четки размером с верблюжий катышек, называет себя *заячи* (покровитель судьбы), обманом помещает хана и ханшу в мешок, наказывает; ночью просовывает голову козла, хан принимает ее за нечисть, прячется в сундуке вместе с ханшей, вор забирает их. «Возможность осуществления воровских намерений этим преимущественно сказочным способом основывается на наивности и недогадливости или прямой глупости обворовываемых, т.е. чертах, которые допускаются в этих случаях как элемент необычный, присущий особому поэтическому миру сказки с ее установкой на небывалость и невозможность рассказываемого» [4, с. 56].

Сказочный вор для достижения целей подменяет себя мертвецом или применяет определенную часть человеческого тела. Действия вора при этом отличаются особой жестокостью и хладнокровием: просит мясника взвесить мясо, тот в окошко протягивает кусок, вор топором отрубает ему руку вместе с мясом; откапывает покойника. Как пишет Ю.И. Юдин, «сказочный вор выступает здесь двойником главного героя другого слоя бытовых сказок – о дураках и шутах» [4, с. 60].

Несомненно, сказочный вор с легкостью выходит из любой ситуации, одурачивая и смеясь над обворовываемыми. Однако необходимо отметить, что в исследуемом материале встречается и такой эпизод, когда один из воров оказывается пойманным и погибает. Например, два вора-побратима во второй раз пытаются украсть деньги из ханской казны, но слуги хана выливают в яму клей, и один из воров увяз в нем. Другой вор отрубает голову своему товарищу, чтобы не быть пойманным. В этой сказке сохранился архаичный мотив, когда по приказу правителя страны выставляют обезглавленный труп вора с целью опознания его родственниками. Вор учит мать плакать, не вызывая подозрений: *«Несмотря ни на что Вы пройдите, не выдавая себя. Если будет трудно, возьмите еду, сойдите с телеги, разбросайте [еду] и заплачьте. Родные хана “Не смогла сдержать себя” сказав, подойдут, “Почему Вы заплакали?” спросят. Скажите “В течение шестидесяти-семидесяти лет я не видела хана. Придя сюда, принесла подношение из своей еды. Ее хотела отдать Вам да уронила и сейчас, опечалившись, плачу”*, – говорит»¹ [9]. Этот древнейший мотив сказочного сюжета известен фольклору восточнославянских, тюрко-монгольских, кавказских и многих других народов.

Интересна калмыцкая сказка «Хулхач Хрол» («Вор [по имени] Хрол»), записанная Э.К. Лиджиевым от своей матери и опубликованная в сборнике «Золотая игла» в 1995 г. [10, с. 12–15]. В ней хан приказывает вору украсть у него по очереди коня, кольцо и ханшу; вор крадет и продает их *Усун хадын эзену* (Владыка хозяев воды, дух-хозяин водной стихии – см. Мифологический словарь [11]. Хан просит вернуть украденное, вор идет к *Усун хадын эзену*, тот не хочет отдавать и предлагает устроить три состязания:

¹ Здесь и далее перевод автора – И.Н.

кто выше бросит сандаловую трость, бег, борьба. С помощью хитрости и обмана вору удается вернуть украденное. Приведем перевод:

Усун хадын эзен подбросил к небу сандаловую трость. Трость со свистом полетела, лишь на следующий день к полудню упала.

– Ну, Хрол, ты подбрось эту сандаловую трость, – говорит. Хрол, еле удерживая сандаловую трость, смотрит вверх. На счастье Хрола Лу [появился], загрохотав, зашумев, стал метать [стрелы] молнии. Хрол говорит:

– Видишь? Слышишь? Мои семеро старших братьев высекают огонь огнивом, курят, «сюда бросай, сюда бросай» кричат. Если подбросите трость кверху, забрав, тебе не отдадут они.

– Ну, [победа] в состязании пусть твоей будет, эта трость нашего старого дедушки, – сказав, забрал трость.

Ну, второе состязание – бег. Хрол, забежав в бурьян, поймав двух зайцев, одного спрятав, говорит:

– Ты состязайся с моим сыном, вчера родившимся, я хотел с тобой состязаться, [но] ты [очень] ленивый.

Согласились. Хрол, из кожаного мешка вытащив зайца, отпустил. Усун хадын эзен тоже побежал. Усун хадын эзен закричал:

– Выстраивайтесь в ряд, выстраивайтесь в ряд, – когда закричал, заяц, испугавшись, быстро убежал.

Усун хадын эзен бежал-бежал, устав, высунув язык, изо рта вышла пена. Хрол говорит:

– Мой сын давно прибежал, [а] ты только сейчас прибежал, – сказав, [вытащив] из кожаного мешка одного зайца, показывает.

– Твоего сына видел, а тебя не было видно, – говорит. – Делать нечего, ты выиграл состязание, – говорит.

Третье состязание – борьба. Хрол говорит:

– Ну, если здесь будем бороться, солнце сильно печет, пойдем в лес, будем бороться в тени деревьев.

Ну, согласившись, когда шли в лес, [увидели], что один медведь спит.

– Видите, тот мой старый дедушка спит. Если я буду бороться с тобой, то убью, того моего дедушку потяни за ухо и тогда мой дедушка будет с тобой бороться, – говорит.

Усун хадын эзен, придя:

– Ваш сын сказал побороться с Вами, – сказав, потянул за ухо медведя. Медведь, закричав, Усун хадын эзена помял и отпустил. Со сломанными костями еле убежал от него.

– Если бы я с тобой боролся, ты бы меня убил, – сказав, – Ты победил, – сказал. Ханшу, кольцо, коня принес и отдал. Хан очень радостный Хролу отдал дочь, половину своих владений подарил.

В финале текстов о ловком воре герой получает в награду ханскую дочь и половину богатства тестя, однако, как и в сказках многих народов, в калмыцком устном народном творчестве имеются варианты, где вор крадет правителя другого ханства (вместе с ханшей), часто в отместку за его насмешки.

Сказки о ловком воре широко распространены в мировом фольклоре. В них отражены древнейшие представления и определенные элементы смеховой культуры. Острая социальная направленность – главная тема сказок данного сюжетного типа. Приемы, использованные героем в ловком обворовывании, зачастую тяготеют к анекдотическим повествованиям.

Калмыцкие варианты на рассматриваемый сюжет имеют много схожих мотивов и эпизодов со сказками других народов. Вместе с тем сопоставительный анализ сказок позволяет выявить этническую специфику текстов, проявляющуюся в композиции, характеристике образов и стиле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашиников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
2. Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 336 с.
3. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1941. 559 с.
4. Юдин Ю.И. Русская народная бытовая сказка. М.: Изд. центр «Академия», 1998. 256 с.
5. Цыбикова Б.-Х.Б. Бурятские бытовые сказки. Сюжетный состав. Поэтика. Улан-Удэ, 1993. 114 с.
6. Алиева Ф. А. Художественный мир дагестанской бытовой сказки // Свод памятников фольклора народов Дагестана : в 20 т. Т. 3: Бытовые сказки / сост. Ф.А. Алиева, отв. ред. А.М. Аджиев. М.: Наука, 2013. С. 9–34.
7. НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 178.
8. Хальмг туульс. Нээрүлж кевлелд белдж диглснь: Н.Н. Мусова, Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова. Ш боть. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1972. 250 х.
9. НА КалмНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 178.
10. Алтн зүн темн. Золотая игла: Сказки / сост. Э.К. Лиджиев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 119 с. (На калм. яз.).
11. Мифологический словарь/ гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 565.

Поступила в редакцию 20.07.2017 г.
Принята к печати 25.09.2017 г.